

М.Г. Соколянский

Ф.М. Достоевский и Джозеф Конрад*

Отношение Джозефа Конрада к имени и наследию Ф.М. Достоевского представляет особый интерес для специалистов. Суждения английского прозаика о великом русском писателе, появившиеся в тот период, когда книги Достоевского становились предметом увлеченного интереса широких читательских кругов на Западе, и сегодня озадачивают категоричностью негативных оценок.

«... Имя Достоевского действовало на него, как красная тряпка на быка»¹, — пишет в своем этюде «Воспоминания о Конраде» («Reminiscences of Conrad») Джон Голсуорси. Аналогичное свидетельство находим мы и в мемуарах близкого к Конраду английского литератора Р. Керла: «... Не было другого имени в литературе, к которому Конрад питал большее отвращение, чем к имени Достоевского; простое упоминание о нем приводило обычно Конрада в ярость...»². Состоявший с Конрадом в добрых отношениях и длительной переписке Андре Жид признавался, что в одном лишь вопросе не могли они найти общий язык: английский писатель раздражался, едва услышав имя Достоевского³.

В нескольких письмах Конрада его другу, критику и популяризатору русской литературы XIX в. в Англии Эдварду Гарнету встречаются более конкретные высказывания английского писателя

---

* Впервые опубликовано в *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, 1983. Bd. 28, № 5.1, с. 738 - 751.

о Достоевском. Эти высказывания иногда называют «нападками», поскольку в сравнении с ними упреки многих западных литераторов рубежа веков («от М. де Вогюэ до Д. Голсуорси»⁴) по адресу Достоевского могут показаться комплиментами. Так, в письме от 27 мая 1912 г. Конрад кратко резюмирует свои впечатления от знакомства с романом «Братья Карамазовы» в английском переводе Констанс Гарнет: «... Но это же невысказанная куча ценного материала. Книга ужасающе плоха, она производит большое впечатление и раздражает. Более того, я не знаю, что Достоевский принимает и что разоблачает, но я определенно знаю, что для меня он слишком русский. Все это звучит для меня, как какое-то свирепое бормотание, доносящееся из доисторических времен...»⁵.

При внимательном прочтении этого суждения, поражающего своим пафосом отрицания, бросается в глаза некоторая двойственность (в оценочном отношении) перечисленных читательских реакций: «невысказанная куча ценного материала», «производит большое впечатление и раздражает». С двойственностью этих оценок не так уж резко расходится пересказанный Джоном Голсуорси отзыв Конрада о «глубине» Достоевского («глубок, как море»⁶).

«... Я полагаю, — пишет Р. Керл, — что его (Конрада — М.С.) неподдельная ненависть к Достоевскому была обусловлена признанием мощи последнего... Он ненавидел его не так, как ненавидят ничтожество; он ненавидел его так, как можно ненавидеть лишь Люцифера и силы тьмы...»⁷. Бесспорно, что в неумении оценить масштаб Достоевского-писателя Конрада нельзя обвинять. Что же касается его категорического неприятия наследия русского писателя, то оно, несомненно, нуждается в объяснении.

В 1912—1916 гг. в Англии было издано полное собрание сочинений Достоевского в переводах К. Гарнет. Главным образом, к этому периоду и относятся упомянутые отзывы Конрада: Гарнетты присылали ему тома Достоевского в английском переводе, которые он прочитывал. Некоторые романы читал впервые, другие — перечитывал. Между тем первое знакомство Конрада с произведениями Достоевского состоялось раньше — в 1880-е гг.

В 1884 г. был издан во французском переводе роман «Преступление и наказание», в 1886 г. — «Бесы», в 1887 г. — «Идиот». Интерес к Достоевскому во Франции в те годы был возбужден еще и

книгой Мелькиора де Вогюз «Русский роман» (1886 г.)⁸. Молодой Конрад, читавший в те годы более всего по-французски, тогда же познакомился и с рядом книг Достоевского⁹. Негативное отношение к этим книгам начинало складываться у молодого морского офицера, еще не помышлявшего о профессиональном литературном труде, уже в ту пору.

Замечания некоторых исследователей Конрада¹⁰ о его «русофобии» как основной причине неприятия Достоевского никак нельзя считать справедливыми. Непродуманность подобных суждений становится очевидной при знакомстве с эссе Конрада о его литературном кумире Тургеневе¹¹, с его отзывами о рассказах Чехова¹²; нельзя сбрасывать со счетов и серьезный, многолетний интерес писателя к русской литературе и истории¹³.

Другие авторы, прежде всего биографы Конрада, стремились объяснить необычность восприятия Достоевского автором «Сердца тьмы» психологическими причинами. Так, Г. Морф, объявляя Конрада «мистиком, подобно Достоевскому», считает его антипатию к русскому писателю производной от необходимости отстраниться от «ума, к которому он был настолько сродни»¹⁴. Подобное истолкование проблемы — квалифицируется ли «идиосинкразия» Конрада как стремление избежать подчинения мощному воздействию или как «трансцендентальное согласие с Достоевским»¹⁵ — весьма распространено в западной конрадиане. С такого рода провиденциалистскими утверждениями трудно полемизировать, поскольку они не сопровождаются, да и не могут сопровождаться, сколько-нибудь солидной аргументацией. Пожалуй, единственное, в чем они убеждают, — это в сложности отношения Конрада к создателю «Преступления и наказания».

«...Достоевский никогда не был, что называется, «чистым» художником, — утверждал более века тому назад Н.К. Михайловский. — Меньше, чем кого-нибудь, можно его судить судом эстетическим; это значило бы оставить его совсем без оценки. Мыслитель и публицист всегда резко вырисовывались в нем из-за художника...»¹⁶. Именно в таком порядке (мыслитель, а затем художник) воспринимал русского писателя и Конрад. Как мыслитель Достоевский вызывал у него резкое несогласие. Рационалист и атеист по своим убеждениям, Конрад не мог принять склонности русского

романиста к религиозно-утопическим построениям. Человек, привыкший к дисциплине и порядку уже благодаря своей первой профессии¹⁷, не мог принять господства стихии, увиденного им в сознании героев Достоевского. И наконец (но не в последнюю очередь!), патриот земли своих предков, Конрад не мог с философским спокойствием разбираться в природе националистических заблуждений Достоевского вообще и его пренебрежительных упоминаний о поляках в частности. В своей совокупности эти разногласия и создали тот идиосинкратический барьер, преодолеть который английскому писателю было крайне трудно.

Тем более удивительно, что критики со временем сопоставили и эти два имени, обнаружив в творчестве Конрада следы влияния русского прозаика.

В западном литературоведении первым поставил интересующую нас проблему Р. Блют в статье «Джозеф Конрад и Достоевский. Проблема преступления и наказания»¹⁸. Уже в подзаголовке задан аспект исследования: Р. Блют выясняет генетические связи между «Лордом Джимом» и «Преступлением и наказанием». Разумеется, герой «Лорда Джима» совсем не похож на Раскольников, как далеки обстоятельства его жизни и сама вина от мира, окружающего героя Достоевского, и совершенного им преступления. Однако не случайно многие авторы, пишущие о «Лорде Джиме», считают, что лучшим подзаголовком к этой книге было бы название романа Достоевского или его модификация — «вина и искупление». Не только постановка в центр читательского внимания психологии человека, испытывающего душевную муку после совершенного проступка, но и выбор такого типа повествования, где, по словам Т.Л. Мотылевой, «истина выявляется как бы путем расследования, путем сопоставления свидетельств разных лиц»¹⁹, указывает на нить, связующую известнейший роман Конрада с традицией Достоевского.

Поиски в «Лорде Джиме» более конкретных проявлений влияния Достоевского или «внутренней полемики»²⁰ с русским писателем едва ли можно назвать продуктивными. Появившийся в 1900 г. «Лорд Джим» лишь продемонстрировал, что Конрад, подобно своим старшим современникам в английской литературе Р.Л. Стивенсону и О. Уайльду, испытал на себе притягательную силу творений

гениального романиста. В художественной ткани «Лорда Джима» следование Достоевскому не более ощутимо, чем в «Портрете Дориана Грея» или «Странной истории доктора Джекиля и мистера Хайда». Материал для разговора о более основательном воздействии книг Достоевского на творчество Конрада дают два более поздних романа английского писателя.

Британский историк и дипломат Э.Х. Карр в биографической книге о Достоевском, вышедшей в том же 1931 г., что и цитированная статья Р. Блюта, пишет: «Влияние Достоевского достигло Западной Европы спустя четверть века после его смерти...»²¹. Применительно к английской литературе хронологический диагноз Э.Х. Карра довольно точен. Первыми книгами, отмеченными в каждом конкретном случае оригинальным дарованием автора и в то же время явно связанными с традицией Достоевского, были так называемые «политические романы» Дж. Конрада «Тайный агент» (1907 г.) и «Глазами Запада» (1911 г.).

Между выходом «Лорда Джима» и первой из названных выше книг прошло семь лет, но дело не только в годах. Написанию «Тайного агента» предшествовали события русско-японской войны и первой русской революции²², глубоко заинтересовавшие Конрада и привлечшие его внимание к некоторым социальным движениям, уходившим своими корнями в русскую действительность 1860—1870-х гг., воспринимаемую не столько через личные воспоминания, сколько через призму романов Достоевского.

Еще Томас Манн в своем предисловии к немецкому переводу «Тайного агента» (1926 г.) обратил внимание на следы явного воздействия Достоевского. Действительно, многими нитями связан с «Бесами» этот антинигилистический роман, созданный западноевропейским писателем через четыре десятилетия после «взрыва» антинигилистической литературы в России.

В основе фабулы «Тайного агента» лежала особая, не заимствованная из других книг, прототипическая жизненная история. Как известно, создатель «Бесов», работая над романом, использовал материалы т.н. нечаевского процесса. Что же касается автора «Тайного агента», он шел от получившей известность истории с попыткой взорвать гринвичскую обсерваторию в 1894 г. Форд Медокс Форд писал, что прототипом образа Верлока — члена сообщества рево-

люционеров-анархистов и тайного агента иностранной полиции — был Е.Ф. Азеф, действительно планировавший взорвать гринвичскую обсерваторию с целью спровоцировать британское правительство на изгнание из страны русских революционеров-эмигрантов. Ему удалось вовлечь в свои планы умственно неполноценного юношу, который по пути к обсерватории, неся бомбу, споткнулся и погиб от взрыва²³. Впрочем, если история со взрывом изображена в «Тайном агенте» весьма приближенно к реальному случаю 1894 г., то героя²⁴ книги отделяет от одного из лидеров партии эсеров и тайного сотрудника департамента полиции Азефа не меньшая дистанция, чем Петра Верховенского от С.Г. Нечаева.

Достоевский, как известно, не знал С.Г. Нечаева лично, а представлял себе его личность лишь по материалам процесса. Наряду с Нечаевым, были у образа Петра Верховенского и другие прототипы — как исторические (Петрашевский), так и литературные (например, тургеневский Ситников²⁵). В «Дневнике писателя» Достоевский подчеркнул, что, создавая роман «Бесы», стремился не к портретированию, а к созданию обобщенного характера: «...Лицо моего Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны не Нечаев, а *Нечаевы...*» (21; 125). Аналогичным образом и автор «Тайного агента», создавая характеры «специальных делегатов более или менее таинственного Центрального Красного Комитета», вызывающего ассоциацию с «центральным комитетом» из прожектов Петеньки Верховенского, не имел в виду конкретный круг Азефа, о котором и знал-то очень мало²⁶.

Глубоко отрицательное отношение английского писателя к миру изображаемых им псевдореволюционеров не вызывает сомнений. «Тайный агент» Верлок, старик Карл Юндт («знаменитый террорист, за свою жизнь лично пальцем не коснувшийся существующего социального строя»²⁷), пользующийся покровительством жены полицейского комиссара Михаэлис, не гнушающийся воровством позер, бывший студент-медик «товарищ Александр Оссипон»²⁸, создающий взрывчатые порошки недоучка по прозвищу «профессор» — все они сами считают себя революционерами, но никакой

более или менее серьезной революционной деятельностью не занимаются.

В письме к своему другу английскому литератору Р.Б. Канингхему Грехему от 7 октября 1907 г. Конрад предупреждал против ложного истолкования «Тайного агента»: «...Не считай, однако, что я сатирически изобразил мир революционеров. Все эти люди никакие не революционеры, они притворщики»²⁹. Эта характеристика, данная писателем своим героям, вызывает немедленную ассоциацию с известным саморазоблачением Петра Верховенского: «Я мошенник, а не социалист». Да и собрание «специальных делегатов» бесплодным течением споров напоминает собрание у Виргинских, описанное Достоевским в главе «У наших». В этой главе «мошенничество» Верховенского-младшего показано, что называется, «в действии».

Еще Ницше «верно почувствовал наиболее адекватное воплощение нигилизма в Ставрогине, а, скажем, не в Петеньке Верховенском или в ком-нибудь другом из «мелких бесов»³⁰. Конрада и вовсе не занимает идейный нигилизм или политический анархизм, его «бесы» — притворщики, прямые потомки мошенника Петра Верховенского. Правда, они порождение более позднего исторического этапа рубежа веков — и эволюция их мошенничества выражена в фактах биографий героев: если Петенька «покамест не из высшей полиции», то Верлок у Конрада — доносчик и тайный агент.

В уже цитировавшемся письме Канингхему Грехему автор «Тайного агента» сам констатировал, что в его книге «мелодраматический сюжет трактуется иронически». Действительно, ирония играет немаловажную роль в художественном мире «Тайного агента», и это обстоятельство также роднит книгу Конрада с «Бесами».

Несмотря на заданность откровенного (не скрытого) отрицания в названии своего романа и эпиграфах, автор «Бесов» все же прибегает нередко и к иронии. Ироническим перифразом политических устремлений нигилистов выглядит программа заговорщиков в пересказе капитала Лебядкина. В речи последнего можно встретить и отдельные иронические фразы, как, например: «...я раб, я червь, но не бог, тем только и отличаюсь от Державина» (10; 21). В ироническом ключе употребляется слово «наши» применительно к

«бесам»: они абсолютно чужие даже хроникеру, не говоря уж об авторе. Иронические характеристики часто встречаются в описаниях речей и поступков Степана Трофимовича и Кармазинова, губернатора Лембке и т.д.³¹

В «Тайном агенте» ироническая интонация доминирует в авторском повествовании. Ироничны характеристики, данные писателем «делегатам таинственного Красного Комитета»; например, Юндт представлен читателю таким образом: «...террорист, как он сам себя называл»³². Иронично прозвище «профессор», данное недоучке, который «когда-то состоял помощником лаборанта»; иронический эффект производит ницшеанские речи в устах этого тщедушного создания. Как правило, в ироническом смысле употребляет автор романа слово «революционный». Делегаты «Центрального Красного комитета» заняты «литературной революционной пропагандой»; товарищ Оссипон все время опасается, как бы не прервалось «мирное течение его революционной жизни» и т.п. Наконец, как заметил Э.М.У. Тильярд, иронический эффект названные персонажи производят в силу разительного несоответствия великих планов и тривиальных результатов³³. Нетрудно заметить, что объектом иронии Конрада являются не только «делегаты Центрального Красного Комитета», подобно тому как ирония создателя «Бесов» распространяется не только на заглавных персонажей. «...Начав с ненавистных «нигилистов», Достоевский в конце концов подверг сатирическому осмеянию все сколько-нибудь влиятельные общественно-политические силы России конца 60-х годов...»³⁴. В круг осмеянных Достоевским явлений общественной жизни попали, помимо «прогрессивных дворянских деятелей 1840-х годов и революционеров-народников 1860—1870-х годов»³⁵, также официально-бюрократические силы (круг губернатора Лембке) и, как тонко заметил Я.О. Зунделович, «дух типичного провинциального городка» и «многоликий обыватель», представленный в романе среди прочих и повествователем-хроникером³⁶.

Объекты отрицания Конрада, как уже замечалось, не столько революционеры, сколько псевдореволюционеры («притворщики»), но, помимо них, и полиция, и высшая бюрократия, представленная глуповатым министром сэром Этельредом, и посольство неназванного государства³⁷ с его методами шпионажа и т.д. и т.п. А. Флийш-

ман полагает, что «Тайный агент» — это повесть не только о политическом анархизме, но и об общественной анархии — о распаде общественной структуры³⁸. В таком утверждении, быть может, и есть некоторое преувеличение, но отдельные стороны кризиса этой «общественной структуры» Конрадом, несомненно, запечатлены.

Воссоздавая кризисную ситуацию современного ему общества, Конрад подчас не удерживается в рамках иронического повествования и переходит к прямому обличению, иногда включенному в авторское повествование, иногда доверенному тем или иным персонажам. К примеру, Винни Верлок на вопрос брата: «Для чего существует полиция?» — отвечает: «Да для того, чтобы те, у кого ничего нет, не могли что-либо взять у имущих»³⁹. Как прямое разоблачение может быть расценено замечание о первом секретаре загадочного посольства господине Владимире: «Происходя от многих поколений, угнетаемых самодержавной властью, он испытывал расовое, национальное и индивидуальное чувство страха перед полицией...»⁴⁰. Такого рода примеры, перечень которых можно было бы продолжить, дают представление о памфлетном строе книги Конрада, что еще раз свидетельствует о его «родстве» с романом-памфлетом «Бесы».

Признаки памфлетности присущи также нескольким второстепенным и даже эпизодическим персонажам: таковы, например, тайный советник Вурмт, жена помощника комиссара полиции, принимающая участие в судьбе анархиста Михаэлиса (подобно губернаторше, покровительствующей Петру Верховенскому), не желающий «вдаваться в подробности» недалекий министр сэра Этельред, в чем-то похожий на незадачливого губернатора Лембке. Даже в построении произведения Конрада дает себя знать воздействие «Бесов». «...Почти все в романе, — пишет о романе-памфлете Достоевского Ф.И. Евнин, — устремлено к центральному происшествию — к убийству Шатова, подготавливая его событийно и психологически...»⁴¹. В «Тайном агенте» таким сюжетным фокусом является событие в Гринвиче: подготовка к нему и последствия его касаются буквально всех персонажей книги. Между тем система персонажей этого романа не столь разветвлена, как в «Бесах». Роман Конрада не только значительно лаконичнее своего русского первообраза, художественный мир его значительно более узок. Впрочем, «Тайный

агент» не единственное творение английского писателя, созданное под влиянием романа «Бесы».

В сентябре 1907 г., когда вышел из печати «Тайный агент», его автор уже приступил к работе над следующей книгой, которую закончил в начале 1910 г., а издана она была лишь в ноябре 1911 г. Речь идет о романе «Глазами Запада», в котором России и проблемам русской жизни суждено было занять основное место.

Важное событие, изложенное на первых же страницах романа Конрада и определившее во многом судьбу одного из героев — убийство студентом Виктором Халдиным министра г-на де И. — имеет вполне определенное прототипическое происшествие в русской исторической реальности. Речь идет об убийстве министра внутренних дел и шефа жандармов В.К. Плеве 28 июля 1904 г. В одной из первых рецензий на русский перевод романа (книга вышла под названием «На взгляд Запада») были указаны и прототипы других персонажей: начальника тайной полиции Мигулина (директор департамента полиции А.А. Лопухин), революционера Никиты (Е.Ф. Азеф), упоминаемого в разговоре отца Зосимы (Георгий Гапон)⁴². Известная на Западе роль Азефа в подготовке убийства Плеве несколько дезориентировала исследователей этого «политического» романа Конрада, заставив их искать в том или ином герое сходства с печально знаменитым провокатором. Первые русские рецензенты⁴³ связывали с этой личностью уже называвшегося персонажа — «революционера Никиту по прозвищу Некатор». Однако сходство Никиты с Азефом ограничивается лишь внешними приметами (необычайной полнотой): даже фабульные функции Никиты никак не позволяют ассоциировать его с реально существовавшим предателем, приведшим к аресту и гибели многих сотоварищей по «боевой организации» партии социалистов-революционеров. Американский литературовед М.Д. Зейбл склонен выискивать какую-то связь между Азефом и главным героем книги Разумовым⁴⁴, но и эти поиски не увенчиваются успехом. По-видимому, книгу «Глазами Запада» нельзя рассматривать как «роман с ключом», тем более что и в этом случае, как и в «Тайном агенте», автор воспринимал мрачную русскую действительность не без посредства русской литературы.

Р. Блют назвал роман «Глазами Запада» «полемической пара-

фразой «Бесов»⁴⁵. Книга Конрада связана с романом Достоевского многими нитями: и слово «нигилисты» фигурирует здесь (его произносит домохозяйка Разумова), и круг заговорщиков, расправляющихся с Разумовым, напоминает о центральном событии «Бесов», и местонахождение эмигрантов почти совпадает. Есть и близкие по своим функциям персонажи. Это, например, извозчик Земянич⁴⁶ у Конрада и Федька Каторжный у Достоевского: впрочем, у Федьки был, по-видимому, реальный прототип (12; 235), тогда как у персонажа Конрада был лишь прототип литературный.

Книгу английского писателя сближает с «Бесами» и характер повествования. Если в «Тайном агенте» рассказ ведется автором от третьего лица, то в следующем романе Конрад прибегает к своему излюбленному приему, поставив между собою и читателем фигуру персонажа-повествователя. Первую часть романа составляют лишённые дневниковой выстроенности записи Разумова, в остальных трех частях рассказ ведется от имени близкого к русским эмигрантским кругам в Женеве пожилого англичанина — преподавателя языков: он-то и является носителем той самой точки зрения Запада на Россию и русских, которая заявлена уже в названии книги. Функционально этот повествователь весьма близок хроникеру из «Бесов». Маска хроникера г-на Г-ва, «надетая на себя Достоевским в «Бесах» — маска недалекого и вполне благонамеренного обывателя сыграла очень важную роль еще в одном отношении: она позволила писателю завуалировать свои подлинные оценки правящей верхушки царской России и в то же время искусно намекнуть на них...»⁴⁷. Позиция случайно попавшего в среду русских эмигрантов англичанина позволяет Конраду сочетать в рассказе видимую объективность с заинтересованностью не очень пронизательного очевидца.

Носитель другой точки зрения на происшедшие события — Разумов. Выдав террориста Халдина полиции, став провокатором, он и за границей не может не думать о своих поступках. Хотя, начиная со второй части романа, раздумья Разумова вынесены, главным образом, в подтекст, его душевное смятение не может укрыться от повествователя и некоторых других персонажей. Душевный надлом этого героя в изображении Конрада заставляет вспомнить о другом замечательном творении Достоевского.

«Трудно поверить, — замечает американский исследователь Фредерик Карл, — что Конрад мог написать роман «Глазами Запада», не следуя «Преступлению и наказанию» как образцу...»⁴⁸. В самом деле, следы влияния знаменитого романа Достоевского на роман Конрада «о России и о русских» очевидны.

Тема «преступления и наказания» в книге «Глазами Запада» поставлена и раскрыта совсем иначе, нежели в «Лорде Джиме». В раннем романе речь идет и может идти не о преступлении, а о вине (в той мере, в какой Джим ощущает свою вину) и ее абсолютно добровольном искуплении. Герой «русского» романа Кирилл⁴⁹ Разумов после своего нравственного падения — он предает доверившегося ему террориста Халдина властям — затем, уже за границей, несет наказание (в прямом смысле слова) от рук русских революционеров.

Конечно же, преступление Разумова очень отличается от преступления Раскольникова, различны и мотивы преступлений. Нравственная сторона поступка Разумова, совершенного им убийства (а предательство в этом случае равносильно убийству), в отличие не только от убийства, совершенного Халдиным, но и от преступления Раскольникова, может быть истолкована совершенно однозначно. Убийство процентщицы и ее сестры Раскольниковым не имеет политической подоплеки и не содержит конкретно-политического смысла. Что же касается поступка Разумова, то он, несомненно, вписывается в сложную картину политической жизни России начала века. Но как бы ни были незначительны нравственная озабоченность и волнения Разумова, уже совершившего предательство и продолжающего идти по этому отвратительному пути, они сами по себе являются наказанием и составляют предмет изображения и специального интереса писателя. Здесь трудно не заметить результаты своеобразного усвоения уроков автора «Преступления и наказания».

Есть еще один персонаж в книге «Глазами Запада», который заставляет вспомнить о «Преступлении и наказании». Это один из блюстителей существующего порядка советник Микулин, ведущий с Разумовым длительную беседу, представляющую, по сути, не что иное как допрос. Уже первые русские рецензенты этого романа установили, что у Микулина был реальный прототип — начальник

тайной полиции Лопухин⁵⁰. Но о личности Лопухина Конрад не имел ни малейшего представления, и потому куда более важен другой, литературный прототип Микулина, а таковым был, конечно же, Порфирий Петрович. Следует признать, что Микулин⁵¹ занимает в романе Конрада место значительно более скромное, чем Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании», но своими сюжетными функциями, своей манерой выпытывать у собеседника истину он явно напоминает своего знаменитого литературного предка.

В отдельных персонажах и эпизодах книги Конрада можно обнаружить частные, быть может, не всегда осознанные автором проявления воздействия и других романов Достоевского. Так, сцена из первой части романа «Глазами Запада», в которой Разумов пытается разбудить мертвецки пьяного Земянича, вызывает ассоциацию с главой «Лягавый» из «Братьев Карамазовых», где изображен Дмитрий Карамазов, безуспешно пытающийся разбудить пьяного Горсткина. В том же эпизоде книги Конрада трактирщик, характеризуя Земянича, несколько раз повторяет: «истинно русский человек!» («A true Russian man») — как будто бы позаимствовав это словосочетание из последнего романа Достоевского.

Впрочем, здесь нельзя быть совершенно уверенным в том, что имело место прямое влияние. В конрадиане установилось мнение, что с последним романом Достоевского Конрад познакомился в 1912 г. — в год выхода в свет перевода К. Гарнет и через год после того, как роман «Глазами Запада» был опубликован. Из письма Конрада Э. Гарнету от 27 мая 1912 г. можно лишь предположить, что до тех пор Конрад не читал «Братьев Карамазовых», но в этом нельзя быть абсолютно уверенным. Слишком сложным было отношение английского прозаика к гениальному русскому писателю, и потому в высказываниях даже такого, биографического характера о Достоевском трудно предполагать полнейшую искренность.

Привлекает внимание, например, такой частный момент. Во второй части романа «Глазами Запада» Наталья Халдина и повествователь говорят о русском священнике отце Зосиме (father Zosim), вероятным прототипом которого считают Гапона. Можно с большой уверенностью предполагать, что имя «Зосима» (да еще применительно к духовной особе) могло быть заимствовано Конрадом из «Братьев Карамазовых». Вовсе не исключено, что до появления пе-

ревода К. Гарнет, а точнее — в конце 1880-х гг. — Конрад мог познакомиться с французским переводом романа Достоевского, опубликованным в 1888 г.

Более широкое обращение к книгам Достоевского как к источникам в романе «Глазами Запада» вполне объяснимо: тема России в этом произведении занимает куда большее место, чем в «Тайном агенте». Изображение России в первой части романа, среды русских эмигрантов и их нравов — в остальных частях не сводится у Конрада к набору неоромантических условностей, а выдержано скорее в русле реалистической традиции. Между тем жизнь России и русских была менее всего известна писателю. В этой связи для него было очень важно и лестно, что в России роман удостоился перевода, несколько изданий и положительных отзывов⁵². В авторском предисловии к изданию романа, предпринятому в 1920 г., Конрад не без гордости писал о «всеобщем признании», которое его книга получила в России⁵³.

В том же предисловии романист признается, что видел свою задачу не в обрисовке политического состояния России, но в изображении «русской психологии»⁵⁴. Этой авторской декларации нельзя отказать в серьезности, тем более что в выполнении этой задачи Конрад был ближе к истинному пониманию особенностей национальной психологии, чем кто-либо из его современников в западной литературе. Источники этого понимания можно искать в славянстве Конрада, в его биографических связях с Россией; но следует помнить, что по достижении семнадцати лет Конрад покинул Польшу (точнее — австро-венгерскую Галицию) и с тех пор его контакты с отечеством ограничивались, главным образом, перепиской, а Российскую Империю Конрад покинул еще раньше — в детском возрасте. По-видимому, все-таки при изучении писателем «русской психологии» основным источником была для него русская литература, и романы Достоевского сыграли в этом деле едва ли не главную роль. Об этом напоминают, в частности, и рассуждения Халдина о спасительной миссии русской души, и мысль Разумова о том, что революционеры — «рабы какой-то французской или немецкой мысли», а он, Разумов, русский, и «позволяет себе называться мыслителем»⁵⁵.

Несмотря на сделанное Конрадом признание, «политическое

состояние» России все же в немалой степени занимало его ум, как не могло оно не беспокоить создателя «Бесов» и «Братьев Карамазовых». В первой части романа «Глазами Запада» эта тема нашла свое воплощение в образах представителей официально-бюрократической верхушки России, в раздумьях о поступке Халдина, в диспутах Разумова со студентом Костей и с самим собой; в остальных частях романа эта тема присутствует как предмет рассуждений и споров русских эмигрантов.

Здесь немало суждений о политическом своеобразии «русского самодержавия и русского бунта» («of Russian autocracy and of Russian revolt»⁵⁶), увиденном как будто «глазами Запада», о поисках русскими революционерами своего пути к «национальной свободе», лучшего, чем «искусственный конфликт партий»⁵⁷, о социальной роли русской женщины, о специфической расстановке социальных сил в России («грязная бюрократия перед лицом народа огромного и чистого, как океан»⁵⁸), о подавлении духовной свободы и т.п. Важность рассуждений такого рода для «общей идеи» романа Конрада подчеркнута и тем, что в качестве эпиграфа ко всему произведению выбраны слова Натальи Халдиной: «Я приму свободу из любых рук, как голодный человек — кусок хлеба»⁵⁹.

Персонажи романа Конрада много рассуждают об отличии России от Запада и в ее политическом статусе, и в поисках путей к более справедливому будущему. Сам выбор повествователя, точно отвечающий названию романа, способствует четкой акцентировке различий между Россией и Западом. Разумеется, Конрад делает это по-своему, но в наличии важной оппозиции «Россия — Запад», в ее серьезной (не иронической) трактовке можно уловить перекличку с Достоевским. В рассуждениях же героев Конрада о политике, прежде всего — в речах его по-тургеневски чистой героини Натальи Халдиной (в том числе и в словах, вынесенных в эпиграф), прочитывается принципиальное отличие позиции Конрада от взглядов автора «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых».

Это резкое неприятие русского самодержавия: такое отношение Конрада опирается не только и не столько на русскую литературу, оно сложилось еще в юности под мощным воздействием детских впечатлений, судьбы его родителей и т.п. Потому-то писатель не склонен воспринимать Халдина и даже Никиту-Некатора с едино-

мышленниками как «бесов»; в отличие от «мошенника» Верховенского-сына и его круга, эти люди — участники борьбы с самодержавием, а угнетенные русские люди, по мысли Конрада, «готовы принять свободу из любых рук».

В событийной цепи, составляющей сюжет романа, есть, по сути, лишь одно событие, являющееся прямым выражением этой ненависти героев к самодержавию, — террористический акт Халдина. В остальном свободолюбие является характерной приметой мыслей и чувств персонажей. В этом отношении герои книги Конрада, хоть и отчасти, но близки персонажам Достоевского. «...Герой как точка зрения, как взгляд на мир и на себя самого требует совершенно особых методов раскрытия и художественной характеристики, — пишет М.М. Бахтин о героях книг Достоевского. — Ведь то, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является не определенным бытием героя, не его твердым образом, но последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов последним словом героя о себе самом и о своем мире»⁶⁰. Охарактеризованная ученым доминанта самосознания в построении художественного образа свойственна и основным персонажам романа Конрада «Глазами Запада». Слова Натальи Халдиной о свободе и являются своего рода «последним словом героя о себе самом и о своем мире»: потому-то и вынесены они в эпиграф, как бы предопределяя пафос всего произведения.

* * *

Возвращаясь к концепции «трансцендентального согласия» Конрада с Достоевским или попыткам истолковать его негативные реакции как стремление избавиться от мощного воздействия русского романиста, нельзя не отметить малую плодотворность подобных объяснений. Конечно же, Конрад, демонстративно отдаляясь от Достоевского в своих высказываниях, был в состоянии оценить силу его влияния на мировую литературу. От Томаса Манна, первым заговорившего о влиянии Достоевского на автора «Тайного агента», также не укрылась разница в масштабах дарований двух писателей, хотя он и не склонен был недооценивать значение Конрада, называя его «первым повествователем эпохи»⁶¹. Однако

«внутренние контакты»⁶² с творчеством Достоевского, обнаруживаемые в книгах Конрада, лишней раз подчеркивающие значение открытий Достоевского для западной литературы, вовсе не принижают художественных завоеваний английского писателя. Своеобразие Конрада — художника и мыслителя — по-особому раскрывается и при рассмотрении тех его книг, в которых следы воздействия Достоевского очевидны. «...Я пишу хронику» (10; 166), заверяет читателя повествователь в «Бесах», но вдумчивому читателю ясно, что хроникер повествует не о прошлом, а о событиях ближайшей современности. Достоевский писал о нечаевщине тогда, когда находившийся за границей С.Г. Нечаев был еще на свободе. Обращенность к настоящему и только к настоящему является отличительным признаком памфлета, а «Бесы» недаром квалифицируют как «роман-памфлет». В отличие от своего великого предшественника, Конрад писал в своих «политических романах» о событиях пусть недавнего, но тем не менее — прошлого. Недаром в предисловии к книге «Глазами Запада» он охарактеризовал ее как «своего рода исторический роман»⁶³. Наличие исторической (а не только географической) дистанции в какой-то мере объясняет меньшую по сравнению с автором «Бесов» страстность Конрада в отношении к описываемым явлениям одного порядка. В большей рассудочности⁶⁴ автора «Тайного агента» и «Глазами Запада», проявляющейся в описании политического анархизма, нельзя не увидеть следствие биографической отстраненности автора от изображаемых им событий.

«...Общественная и философская позиция Достоевского, — отмечает Г.М. Фридлендер, — вопреки распространенному мнению, не была всегда равна самой себе и не поддается отвлеченному истолкованию по принципу: «да — да», «нет — нет»⁶⁵. Возможность взглянуть на интересующие его социальные явления «со стороны», «глазами Запада» позволила Конраду с большей однозначностью оценить и положительные, и, с его точки зрения, нравственно несостоятельные тенденции — «двойную игру» Верлока и мошенничество Оссипона, Юндта и Михаэлиса, самоотверженность Халдина, предательство Разумова и расправу Некатора над Разумовым, а также полицейскую бюрократию Англии и политическую систему царской России.

Подчеркнутые различия очевидны и важны лишь на фоне тех многочисленных моментов, которые обнаруживают несомненную генетическую близость двух романов английского писателя с творениями Достоевского. И дело, разумеется, не только в количественной репрезентативности примеров такой близости. По справедливому замечанию Т.Л. Мотылевой, «воздействие большого художника никогда не сводится к сумме частных заимствований. Оно бесконечно сложнее и несравнимо шире»⁶. Пример Джозефа Конрада — писателя, в декларациях своих не принимавшего Достоевского, но в своей творческой практике не избежавшего сильного воздействия книг великого художника, лишний раз убеждает в точности этого положения. Логика такого убеждения, на первый взгляд, парадоксальна, но оттого не менее наглядна для непредвзятого исследователя и читателя.

Примечания

¹ J. Galsworthy. Reminiscences of Gonrad. — В кн.: J. Galsworthy. Castles in Spain. Lpz. (без указания года), p. 109.

² R. Curle. The Last Twelve of Joseph Conrad. New York, 1928, p. 14.

³ Conrad w oczach krytyki swiatowej. — Warszawa, 1974, s. 769.

⁴ Г.М. Фридендер. Эстетика Достоевского. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972, с. 97.

⁵ E. Garnett. Letters from Conrad. 1895—1924. London, 1928, p. 260—261.

⁶ J. Galsworthy. Указ. соч., p. 109.

⁷ R. Curle. Указ. соч., p. 26.

⁸ См.: F.W.J. Hemmings. The Russian Novel in France. 1884—1914. London, 1950.

⁹ М.В. Урнов в своей книге «На рубеже веков» (М., 1970, с. 400) без ссылок на источник сведений утверждает, что Конрад читал Достоевского по-русски. Увы, не читал и не мог читать: Конрад не мистифицировал своих будущих исследователей, когда писал о своем незнании русского языка. В искренности этого признания писателя нетрудно убедиться, обратив внимание на транслитерацию русских слов — особенно имен собственных в романах «Тайный агент» и «Глазами Запада» (Ossipon, Karabelnaya, Gregory Matvieitch и т.п.) и на некоторые кальки, позаимствованные им, видимо, у К. Гарнет (например: «Little father» — батюшка).

¹⁰ См., например: Е.К. Най. The Political Novel of Joseph Conrad, Chicago 1963; J.M. Stewart. Joseph Conrad. Cornwall, 1968; R.E. Matlaw. Dostoevskij and Conrad's Political Novels. — В кн.: Americal Contributions to the 5th International Congress of Slavists, Sofia, 1963, p. 213—231.

- 11 Литературное наследство, т. 76, М., 1967, с. 541—544.
- 12 «Вопросы литературы», 1978, № 7, с. 227.
- 13 См., например: Л.А. Ахмечет. О творческих связях Джозефа Конрада с русским реализмом. — В кн.: Литературные связи и традиции. Горький 1974, с. 91—109.
- 14 G. Morf. The Polish Heritage of Joseph Conrad. London, 1929, p. 93.
- 15 Ian Watt. Conrad in Nineteenth Century. London, 1980, p. 167.
- 16 «Отечественные записки», 1881, № 2, с. 249.
- 17 О том, как много значили для него как писателя море и морская служба, Конрад писал в книгах «Зеркало морей» и «Летопись жизни».
- 18 Статья была опубликована в журнале «La Vie Intellectuelle», 1934, № 2.
- 19 «Иностранная литература», 1981, № 1, с. 214.
- 20 R. Bluth. Указ. соч. — Conrad w oczach krytyki swiatowej, s. 49.
- 21 Цит. по: М.М. Лурье. Английские писатели и критики о Достоевском. — В кн.: Русская литература и мировой литературный процесс. Л., 1973, с. 208.
- 22 См.: Л.А. Ахмечет. Джозеф Конрад о русско-японской войне и революции 1905 года. — В кн.: Литературные связи и традиции. Горький, 1976, с. 53—59.
- 23 Об этом см.: Е.С. Себежко. Проблематика и художественное своеобразие романа Дж. Конрада «Тайный агент». — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Тула, 1971, с. 215—231.
- 24 Верлока можно назвать лишь «заглавным» героем. Л. Гурко, на наш взгляд, отчасти прав, называя книгу Конрада «романом без героя» (Gurko L. «The Secret Agent»: The Conrad's Vision of Megalopolis. — «Modern Fiction Studies», v. 4 (1958—59), № 4, p. 308).
- 25 См.: Р. Назиров. Петр Верховенский как эстет. — «Вопросы литературы», 1979, № 10, с. 231—249.
- 26 Широкою известность «деятельность» Азефа, выдавшего полиции почти весь состав «большой организации» эсеров, приобрела на Западе после разоблачения предателя в 1908 г. жившим в эмиграции В.Л. Бурцевым (см. подробнее: ж. «Былое», 1917, № 1 (23), с. 196—228; № 2 (24), с. 187—215).
- 27 J. Conrad. The Secret Agent. — Penguin Books, 1980, p. 47—48.
- 28 Русский переводчик романа Э. Пименова передала фамилию «Ossipon» как «Осипов», небезосновательно полагая, что Конрад просто искажил часто встречающуюся русскую фамилию.
- 29 J. Conrad. Listy. — Warszawa: PIW, 1968, s. 264.
- 30 Ю. Давыдов. Два понимания нигилизма (Достоевский и Ницше). — «Вопросы литературы», 1981, № 9, с. 127.
- 31 Подробнее об иронии Достоевского (правда, на материале ранних произведений) см.: О.Ф. Силютин. Ирония в романе «Бедные люди» Ф.М. Достоевского. — Учен. зап. МГПИ им. Ленина, № 288, М., 1968, с. 201—217.
- 32 J. Conrad. The Secret Agent, p. 43.

33 E.M.W. Tillyard. «The Secret Agent» Reconsidered. — В кн.: J. Conrad. A. Collection of Critical Essays (ed. by M. Mudrick), Englewood Cliffs, 1966, p. 105.

34 Ф.И. Евнин. Роман «Бесы». — В кн.: Творчество Достоевского, М., 1959, с. 243.

35 Примечания. В кн.: Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 12, с. 224.

36 Я.О. Зунделович. О романе Достоевского «Бесы» (о памфлетном строе романа). — Труды Самаркандского ун-та. № 1112. 1961, с. 3—36.

37 Э.М.У. Тильярд считает, что в романе изображено немецкое или австрийское посольство (E.M.W. Tillyard, указ. соч., p. 106). Однако «восточный облик» г-на Владимира (автор русского перевода Э. Пименова «переименовала» его во Владимирова), равно как и прототипическая ситуация, позволяют не с меньшим основанием предполагать, что это русское посольство.

38 Conrad w oczach krytyki swiatowej, s. 715.

39 J. Conrad. The Secret Agent, p. 144.

40 Там же, с. 183.

41 Ф.И. Евнин. Указ. соч., с. 259.

42 «Русское богатство», 1912, № 9, с. 211.

43 См. также: «Новый журнал для всех», 1912, № 8, стб. 123.

44 M.D. Zabel. Introduction to «Under Western Eyes». — В кн.: J. Conrad. A. Collection of Critical Essays, p. 123—125.

45 R. Bluth. Указ. соч., p. 49.

46 Трудно разделить убежденность Д. Урнова в том, что Земянич, «конечно, должен бы стать Демьянычем» (Д.М. Урнов. Джозеф Конрад, М. 1977, с. 82). Конрад плохо ориентировался в русской антропонимике, а Ziemiańicz — скорее всего не отчество, а фамилия, производная от польских слов «ziemia» (земли) или «ziemiańin» (помещик, землевладелец).

47 Ф.И. Евнин. Указ. соч., с. 262.

48 F.R. Karl. A. Reader's Guide to Joseph Conrad. New York, 1960, с. 209. См. также: Ralph E. Matlaw, указ. соч.

49 Конрад называет своего персонажа «Кирило» (Kyrylo), путая русское и украинское имена, известные ему, по-видимому, лишь на слух.

50 См.: «Русское богатство», 1912, № 9, с. 211.

51 Конрад, сообразно своим представлениям о русском языке, дает Микулину имя и отчество «Грегори Матвеич» (Grigory Matvieitch), вызывая дополнительную ассоциацию с персонажем Достоевского, именуемым, как правило, по имени-отчеству.

52 Если на страницах «Русского богатства» (1912, № 9, с. 211) романиста упрекали в «неточной передаче бытовых деталей», считая все же, что «в основе автор переводит содержание русской политической жизни «на взгляд Запада» приблизительно правильно», то рецензент «Нового журнала для всех» (1912, № 8, стб. 123) выделил роман Конрада как «приятное исключение» среди книг западных писателей о

России, поражающих абсолютным незнанием русской жизни. Весьма положительную оценку получил роман (после его переиздания в 1925 г.) на страницах журнала «Печать и революция» (1925, № 4, с. 285—286).

53 J. Conrad. *Under Western Eyes*. — Penguin Books, 1975, p. 7.

54 Там же.

55 Там же, p. 81. (Впрочем, высказывание Разумова преподносится автором в ироническом ключе: слова эти произносятся как оправдание предательства).

56 Там же, p. 63.

57 Там же, p. 94—95.

58 Там же, p. 105.

59 Там же, p. 3.

60 М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*. — М., 1972, с. 79.

61 Томас Манн. *Письма*, М., 1975, с. 302.

62 Понятие «внутренний контакт» употребляется здесь в смысле, придаваемом ему в книге Д. Дерюшина «Теория сравнительного изучения литературы». М., 1979, с. 113—125.

63 J. Conrad. *Under Western Eyes*, p. 7.

64 Р. Блют в цитированной статье с чрезмерной категоричностью противопоставляет «рационализм» Конрада «интуитивизму» Достоевского.

65 Г.М. Фридлендер. *Достоевский и мировая литература*. М. 1979, с. 23.

66 Т.А. Мотылева. *Достоевский и мировая литература*. — В кн.: *Творчество Достоевского*, М. 1959, с. 44.